

ИДЕИ
БОЛЬШИЕ
ВОЗМОЖНОСТИ

ХОЗЯЙКА ЗОЛОТОЙ ГОРЫ

18+

МУНИРА ВАГИНА

Мунира Вагина

Хозяйка золотой горы

«Автор»

2026

Вагина М.

Хозяйка золотой горы / М. Вагина — «Автор», 2026

Алексей Мельников приезжает на уральский прииск ради денег. Ему нужно лишь чинить технику, слушать разговоры и передавать сведения людям, которые обещали расплатиться с его долгами. Но всё меняется, когда он знакомится с Александрой Петровной — молодой хозяйкой золотодобывающего предприятия, жёсткой, умной и привыкшей отвечать за всё сама. Чем глубже Алексей входит в её доверие, тем опаснее становится его двойная жизнь. За авариями, странными потерями золота и двумя бухгалтериями проступает схема, в которой замешаны бывшие партнёры и люди, готовые убивать ради чужого богатства. А рядом с Александрой всё труднее помнить, зачем он приехал. Она владеет золотой горой, но не знает, кому может верить. Он знает больше, чем должен, и скрывает главное. Когда охота за золотом превращается в охоту на людей, Алексею придётся сделать выбор, который нельзя отменить: между деньгами и совестью, предательством и любовью, спасением себя — и женщины, которой он однажды солгал.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Билет на восток	5
Глава 2. Кедровая	10
Глава 3. Хозяйка в глине	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Хозяйка золотой горы

Глава 1. Билет на восток

На ночных станциях Алексей просыпался прежде, чем поезд останавливался. За окном ещё ползли чёрные заборы, одинокая лампа над дверью склада чертила по стеклу жёлтую полосу, а он уже лежал с открытыми глазами и ждал названия.

Ему нравилось ехать на восток. В этом направлении было что-то обещающее: там раньше начинался день.

На нижней полке храпел мужчина в шерстяных носках. Из пакета у столика торчал батон, обёрнутый газетой; на сгибе газетного листа чья-то половина лица улыбалась колбасной кожуре. В проходе пахло мокрыми полотенцами и курицей. Алексей осторожно повернулся к стенке, просунул руку под сложенную куртку и нащупал внутренний карман.

Конверт был на месте.

Он проверял его уже в четвёртый раз. Бумага от тепла тела размякла, угол загнулся. Сто тысяч рублей, выданные человеку, который ещё ничего не сделал, требовали внимания почти как чужой ребёнок.

За окном показался станционный щит. Название он не успел прочесть.

За день до отъезда мать сказала:

— Возьми отцовский свитер. Там холоднее.

Она стояла возле раскрытой дорожной сумки, держа перед собой серую шерстяную вещь с растянутыми локтями. На груди осталась маленькая прожжённая дырка. Отец стряхивал пепел мимо сигареты, а мать всякий раз сердилась, будто это случалось впервые.

— У меня свой есть.

— Твой тонкий.

Он не ответил. Тогда она аккуратно положила свитер на стул.

С тех пор как отца похоронили, у них получалось говорить только о вещах: забрать сапоги, продать сварочный аппарат, найти свидетельство, выбросить или оставить старые квитанции. Стоило замолчать, как между ними оказывалось последнее больничное утро. Мать приехала с бульоном, который уже некому было отдать; Алексей держал банку, пока она пыталась развязать пояс на пальто.

Отец оставил ему долю в мастерской, неисправный фургон и долги.

Мастерская занимала бывшую котельную на окраине. Зимой там промерзала стена за токарным станком, летом из щели под воротами росла лебеда. Отец чинил машины, покупал ненужное оборудование, соглашался подождать с оплатой. Перед смертью взял деньги на подъёмник, потом ещё — чтобы перекрыть прежний заём. Партнёр уверял, что всё можно было спасти, если бы не болезнь. При этом свою половину помещения он успел продать двоюродному брату.

Нотариус дважды объяснила Алексею, что по отцовским долгам он отвечает лишь в пределах стоимости принятого наследства.

— Из вас не могут взыскать больше, чем вы получили, — сказала она во второй раз, уже медленно.

Он понял и даже записал. Но оценённое имущество и живые деньги оказались разными вещами. Покупатели смотрели на протекающую крышу, били носком по ржавому порогу и называли такую цену, что хотелось выгнать их без разговора. За фургон обещали почти столько же, сколько за металл. Между тем кредиторы присылали письма с аккуратными таблицами, и к каждой сумме прибавлялась новая.

Мать после похорон перебралась в съёмную комнату: прежнюю квартиру они продали ещё во время отцовского лечения. Из кухонного окна теперь было видно кирпичную стену соседнего дома. Между ними помещалась берёза, которую дворник каждую весну обрезал так усердно, словно надеялся наконец от неё избавиться.

Алексей хотел купить матери жильё с отдельной кухней. Небольшое. Чтобы она могла оставить чашку на столе и не убирать её сразу из-за чужих привычек.

В двадцать девять лет эта мечта казалась ему и скромной, и совершенно неподъёмной.

Посредник назначил встречу в столовой возле автовокзала.

Его звали Виктор Семёнович. Фамилии Алексей не знал, хотя разговаривал с ним уже дважды. Их свёл бывший снабженец мастерской, человек с воспалёнными веками, который обычно появлялся с предложением купить подшивники без документов. На этот раз он сказал:

— Есть работа по твоим рукам. И дополнительный заработок, если голова не пустая.

Виктор Семёнович пришёл без опоздания. Снял тёмную куртку, повесил на спинку стула. Под ней оказался обыкновенный синий пиджак, на рукаве которого блестела затёртая ткань. Алексей почему-то ждал кожаного плаща, тяжёлого перстня, хотя бы дорогих часов. Ничего такого не было. Перед ним сидел пожилой человек с коротко остриженными ногтями и выбирал из капустного салата горошины перца.

— Билет взял?

— На завтра.

— Правильно. Там тебя ждут. Помощником механика, как договаривались. Жильё дают, питание на участке. Работа настоящая, от неё никто не освобождает.

— Я и еду работать.

Виктор Семёнович поднял глаза.

— Значит, друг друга поняли.

За соседним столом две женщины в одинаковых пуховиках считали выручку. Купюры шуршали, поднос под одним локтем тихо скрипел. Алексей посмотрел на дверь кухни и спросил, понизив голос:

— А что именно вам нужно?

— Ты всё время спрашиваешь одно и то же.

— Потому что вы каждый раз отвечаете по-разному.

Посредник отложил вилку. Не рассердился, но Алексей сразу пожалел о своём тоне.

— Золото там добывают. Часть показывают, часть не показывают. Нам нужно знать, что происходит со второй частью. Где держат, кто распоряжается, когда отправляют. Какие бумаги при этом составляют.

— Вам — это кому?

— Людям, у которых с владельцами есть неурегулированные расчёты.

— Конкурентам.

— Пусть будет так.

В глубине зала работал телевизор без звука. Женщина с безупречной причёской двигала губами на фоне затопленной деревни. Над её плечом торчала из воды крыша.

— Я не бухгалтер, — сказал Алексей.

— Поэтому тебя и не устраивают в бухгалтерию. Ты механик. У техники всегда кто-нибудь стоит, рядом разговаривают. Сломалась машина — её гонят к тебе. Не надо изображать разведчика. Смотри, слушай. Увидишь документ — запомнишь. Сможешь получить копию — хорошо.

— А если ничего не увижу?

— Тогда останешься при зарплате.

Виктор Семёнович достал из внутреннего кармана конверт и положил под Алексея поднос.

Тот не прикоснулся к нему.

— Сколько?

— Сто. Остальное по результату.

Общую сумму они обсуждали при прежней встрече. Два миллиона — за сведения, которые можно подтвердить, а не за разговоры в курилке. Алексей тогда переспросил, и посредник повторил без нажима, как повторяют номер дома человеку с плохим слухом.

Эти деньги укладывались у него в голове в три неровные стопки: закрыть долги, добавить к выручке за мастерскую, купить квартиру. На себя он ничего не оставлял, и от этого предложение представлялось приличнее.

— Это возвращать, если не получится?

— Если честно попробуешь — нет.

— Как определите, честно или нет?

Виктор Семёнович вытер рот бумажной салфеткой.

— С людьми работаю давно.

За окном автобус сдавал назад, выпуская сизый дым. Рабочий в оранжевом жилете махал водителю обеими руками. Алексей следил за ним, хотя смотреть было не на что.

— Никого подставлять я не собираюсь.

— А кто просит? Речь об имуществе. Там у государства воруют, у партнёров воруют. Тебе их жалко?

Он пожал плечами.

— Я их не знаю.

— Вот сначала и узнаешь.

Посредник придвинул поднос на край стола, готовясь уходить.

— Хозяйка у них Александра Петровна. Женщина деловая. С ней без самостоятельности, понял? Что положено по работе — выполняй. Куда не зовут, не лезь.

— И много я так узнаю?

— Больше, чем человек, который лезет всюду.

Конверт лёг во внутренний карман легко. Алексей ожидал, что почувствует тяжесть, но пальто сидело как прежде.

На улице было сыро. У автобусных колёс темнели талые лужи, пахло соляной и дрожжевым тестом из привокзальной пекарни. Виктор Семёнович застегнул куртку, пожал ему руку и пошёл к стоянке. Обыкновенный человек возвращался после обеда по своим делам.

Алексей остался под козырьком. Он мог догнать его, отдать деньги и сказать, что передумал. До стоянки было метров сорок.

Вместо этого он вынул телефон и открыл объявление о продаже однокомнатной квартиры. Третий этаж, дом кирпичный, до остановки пять минут. На снимке кухни у окна стоял пустой горшок с сухой землёй.

Дома он сказал матери, что на новом месте дали подъёмные.

Она спросила:

— Сразу?

— Людей не хватает.

— А документы подписал?

— Там подпишу.

Мать посмотрела на него так, что он принялся складывать зарядный провод, хотя тот уже был сложен.

— Ты деньги береги, Лёша. Не раздавай, как отец.

На следующий день она всё-таки положила свитер в сумку. Алексей обнаружил его в вагоне, когда доставал тапочки. Между шерстяными складками лежали варёные яйца и соль в завязанном уголке пакета.

Провожать он запретил: электричка обратно уходила неудобно, пришлось бы долго ждать. Мать согласилась слишком быстро. У двери стряхнула с его плеча невидимую соринку и сказала:

— Доедешь — позвони. Не сообщение.

Он наклонился обнять её. За последние месяцы она стала меньше, или он только теперь заметил, как свободно сходятся руки у неё за спиной.

Поезд дёрнулся, и Алексей упёрся ладонью в стену над полкой.

Станция осталась позади. С нижнего места донеслось недовольное сопение; мужчина в носках повернулся и накрыл газетой батон. В конце вагона кто-то наливал воду, звякал ложкой. Спать больше не хотелось.

Алексей слез, обулся и вышел в проход.

Возле туалета стоял высокий худой парень в форменных брюках железнодорожника и смотрел в темноту. Услышав шаги, он посторонился. Алексей кивнул и встал у другого окна.

Снаружи шёл лес. Его почти нельзя было различить, но иногда просека открывала низкое небо, и по обе стороны проступали верхушки деревьев. Потом показались огни посёлка, труба с красной лампочкой, широкий дым, который ветер прижимал к земле.

До Урала оставалась ещё половина суток.

Он никогда не бывал там. Видел фотографии: камни над реками, лесные дороги, деревянные дома с потемневшими воротами. В детстве считал, что настоящая жизнь непременно происходит далеко, где люди знают полезные вещи — умеют рубить деревья, переходить броды, заводить двигатель на морозе. Позже сам научился разбирать двигатели, а ощущение не прошло.

В кармане завибрировал телефон.

Виктор Семёнович прислал номер встречающего и короткое напоминание: «После прибытия сообщи».

Алексей прочёл дважды. Хотел ответить «Хорошо», но убрал телефон.

На минуту стало противно от собственного нетерпения. Он ехал не просто смотреть леса и чинить машины. За поездку уже заплатили люди, чьих имён ему не назвали. Это следовало держать в голове, не отвлекаясь на красивые берега.

И всё же берега будут. Настоящие, не на снимках.

Он вернулся к столику, осторожно отодвинул чужой пакет и достал блокнот. На первой странице записал расходы: дорога, еда, остаток. Потом вывел сверху «Маме» и некоторое время смотрел на это слово. Из конверта можно было сразу перевести ей тридцать тысяч. Она оплатила бы комнату, сходила к зубному. В последний раз ела на одной стороне, думая, что он не замечает.

Алексей открыл приложение банка, набрал сумму и подтвердил перевод.

Сделанного оказалось достаточно, чтобы немного успокоиться.

Утром пейзаж переменялся. Лес подступил к насыпи; между берёзами стояли тёмные ели, в ложбинах держался снег. На крутом откосе мелькнула заброшенная будка, и сразу за ней поезд вышел на мост.

Внизу широко текла река. У опоры вода собиралась в тугой коричневый вал, разглаживалась и снова морщилась дальше, возле затопленного куста. Она казалась тяжёлой: не бежала, а продвигалась всей своей толщей, увлекая ветки и клочья пены.

Алексей прижался лбом к стеклу. От дыхания появилось мутное пятно; он стёр его рукой.

— Красота, — сказал сосед снизу, проснувшийся к завтраку.

— Да.

— В командировку?

— На работу. В артель.

— Золотишко мыть?

— Железо чинить.

Мужчина зевнул и потянул к себе пакет с хлебом.

— Его везде хватает.

Телефон снова завибрировал. Мать написала, что деньги пришли, и спросила, оставил ли он себе. Следом появилась фотография: чашка на подоконнике, за стеклом — обрезанная берёза. Снимок был нечаянный, она ещё путалась с кнопками.

Алексей увеличил его двумя пальцами. На краю подоконника виднелась щербина, которую он собирался заделать перед отъездом и забыл.

«Оставил. Всё хорошо», — набрал он.

За мостом поезд вошёл в выемку. С обеих сторон поднялась влажная каменная порода, так близко, что стали видны мелкие корни в трещинах. Несколько секунд Алексей смотрел на эту стену, а потом достал из сумки отцовский свитер и надел поверх футболки.

Шерсть кололась у горла. Он оттянул ворот, поправил рукава и начал собирать вещи: скоро нужно было выходить.

Глава 2. Кедровая

До «Кедровой» оставалось семнадцать километров, когда водитель остановил машину и велел Алексею выйти.

— Не приехали ещё, — сказал он, заметив, как тот потянулся за сумкой. — Вытаскивать будешь.

Правые колёса сидели в колее, наполненной жёлтой водой. Водитель разложил под ними обломки жердей, вернулся за руль и высунул руку из окна. Алексей упёрся ладонями в задний борт. Железо было холодным и скользким; сапоги, купленные перед отъездом, сразу разъехались. Машина дёрнулась, окатила его до пояса и выбралась сама.

— Помог, — одобрил водитель.

Последнюю часть дороги Алексей просидел на мешке, который ему подложили, чтобы не пачкал сиденье. От мокрых брюк тянуло холодом. За стеклом проплывали ели с нижними ветвями, облепленными дорожной грязью, штабеля труб, брошенный прицеп. Потом лес разошёлся, и открылся прииск.

Первым он увидел не золотоносную землю, не обещанные посредником огромные промывочные машины, а верёвку с бельём. Между двумя деревянными столбами висели одинаковые тёмные носки, несколько маек и большие розовые трусы. Ветер надувал их с такой настойчивостью, будто именно ради этого и дул через весь Урал.

За бельём стояли общежития — низкие сборные здания с ржавыми потёками под окнами. Дальше поднимались отвалы. Оттуда шёл непрерывный грохот, в котором изредка проступал отдельный металлический удар.

Водитель остановился у домика с табличкой «Управление артели».

— Здесь спросишь Антонину. Только на пол не натеки. Она хуже начальства.

Внутри пахло нагретой бумагой и супом. За перегородкой кто-то ел, громко задевая ложкой края тарелки. Женщина в вязаной кофте подняла глаза на Алексея и сразу посмотрела вниз, на его брюки.

— Это вы Мельников?

Он кивнул.

— Паспорт, трудовую. Медосмотр прошли?

Документы она брала двумя пальцами, хотя папка осталась сухой. Сверила фамилию со списком, подвинула к нему договор.

— Помощник механика. Подчиняетесь Григорию Семёновичу, главному механику. Жильё предоставляем, питание удерживаем. Аванс по заявлению после двух недель.

Алексей прочитал договор до конца. Посредник говорил, что на месте всё устроено, но сейчас от этого стало только неприятнее: слишком легко его фамилия нашлась в чужом списке.

— Смены по сколько?

Женщина перестала перекладывать листы.

— По графику.

— А сколько часов?

— Двенадцать. Когда поломка, сами понимаете.

Он подписал.

Антонина выдала направление на склад, ключ с жестяной биркой и лист обхода.

— Сегодня устраивайтесь, вводный инструктаж пройдёте. Завтра к семи на работу.

За перегородкой кашлянули.

— Тоня, какой завтра? — спросил мужской голос. — Пусть ко мне идёт, как переоденется.

Женщина закатила глаза, но спорить не стала.

Комната оказалась на втором этаже общежития. Четыре кровати, три тумбочки, стол под окном. На стене возле розетки чернел след короткого замыкания; ниже кто-то карандашом написал: «Не включать», а другой приписал: «А куда?»

На одной кровати спал человек, отвернувшись к стене. Из-под одеяла торчала ступня с обмотанной пластырем пяткой. Алексей постарался закрыть дверь тихо, но язычок замка не входил в гнездо. Пришлось приподнять её за ручку и толкнуть плечом.

Спящий пошевелился.

— Новенький?

— Да.

— Седьмую койку бери.

В комнате было четыре места.

— Это которую?

— Возле шкафа. На ней семеро уже сменились.

Человек натянул одеяло на голову.

Алексей поставил сумку на свободную кровать, снял мокрые брюки и повесил их на спинку. Матрас пах пылью, табаком и чужим разогретым телом. Он открыл форточку. Снаружи тут же донеслись грохот и ругань.

Складчица подобрала ему куртку со следами прежней нашивки, две пары рукавиц и сапоги на размер больше. Объяснила, что так лучше: нога к вечеру отекает. Каску пришлось примерить трижды, пока удалось затянуть оголовье.

Григорий Семёнович ждал в мастерской.

Это был невысокий человек с тяжёлыми руками и аккуратно подстриженными седыми усами. На нём висела чистая рубашка, застёгнутая до горла; только воротник с одной стороны протёрся насквозь. Перед ним на верстаке лежал разобранный насос.

— Что умеешь?

— Дизели. По гидравлике немного. У отца в гараже работал, потом в дорожной организации.

— «Немного» оставь. Здесь от этого слова люди без пальцев ходят.

Механик протянул ему лист инструктажа, но расписаться сразу не дал. Показал рубильник, огнетушители, выход за стеллажом, отдельно объяснил, кто имеет право включать оборудование после ремонта. Говорил без выражения, словно повторял давно выученный текст. Только возле точила остановился.

— Очки наденешь, даже если на секунду подошёл. Одного мы уже возили. Он тоже на секунду.

Потом спросил, отличает ли Алексей люфт подшипника от ослабленной посадки, велел выбрать съёмник и наконец отодвинул к краю верстака кружку с остатком чая.

— Посмотрим. Для начала отмой корпус. Керосин там. В поддон, не на пол.

До обеда Алексей чистил детали, вынимал из резьбы спрессованную грязь и складывал крепёж в жестяные банки. Под ногтями набилась чёрная масса. Через полчаса он перестал замечать запах керосина, зато почувствовал каждый порез на руках.

В мастерскую то и дело заходили люди. Один требовал шланг, другой принёс треснувшую крышку, третий молча поставил на пол ведро с болтами. Все торопились. Казалось, они сердились на Семёныча за то, что сломанное не становится целым уже от одного появления здесь.

— Семёныч, у меня машина стоит.

— Вижу.

— Начальник велел к двум подать.

— Пусть принесёт ступицу.

— Ты ему скажи.

— Говорил.

Рабочий постоял, глядя на насос, потом пнул пустую коробку у двери. Механик дождался, пока тот уйдёт, и попросил Алексея поднять её.

На обед они отправились вместе. В столовой было жарко, окна запотели. Мужчины стояли с подносами, слегка покачиваясь на ногах, и это одинаковое движение Алексей сперва принял за нетерпение. Потом понял: они переносили вес с одной затёкшей ноги на другую.

Повариха положила ему гречку, котлету и два ломтя хлеба. Рядом с кассой лежала раскрытая тетрадь.

— Фамилия?

Он назвал. Она записала сумму.

Григорий Семёнович ел быстро, держа левую руку под столом. Алексей спросил про выходные.

— Бывают.

— По воскресеньям?

— По дождям. Если дорогу размочит.

За соседним столом засмеялись.

— Ты ему не верь, — сказал широкоплечий мужчина с густой щетиной. — В дождь будем дорогу чинить.

У Алексея слипались глаза. Между тем было только начало второго, и до вечера оставалось больше, чем он успел проработать. В дороге он представлял себе другое утомление: приятную тяжесть в плечах, тишину после смены, чай у открытого окна. Здесь усталость пришла сразу, без всякого достоинства. Хотелось лечь, не снимая сапог.

После обеда Григорий Семёнович повёл его к промывочному прибору.

Они прошли мимо ремонтной площадки, где стояли два самосвала с поднятыми кузовами. Под одним белели надёжно установленные упоры, под другим никого не было. Дальше дорога спускалась к отстойникам. Между валами камня двигался бульдозер; из кабины человека не было видно, и машина казалась брошенной на ходу.

Вода здесь не походила на речную. Густая от глины, она переваливалась через край желоба и уходила в канаву с тяжёлым, ровным шорохом. Над грохотом дрожала стальная площадка. Алексей остановился, поднял голову и почувствовал мелкую дрожь уже в подошвах.

— Сюда без меня пока не лезешь, — сказал механик ему на ухо. — Освоишься — будешь сам ходить.

Он показывал насосную, запас труб, место, где держали аварийные хомуты. Алексей старался запоминать, хотя часть объяснений терялась в шуме.

За ограждением стоял небольшой домик с решётками на окнах. К нему вела отдельная тропа, выложенная обрезками досок. У двери курил охранник.

Алексей посмотрел чуть дольше, чем требовалось.

Григорий Семёнович уже шёл вперёд.

Никто не собирался вручать новичку ключи или рассказывать, куда девается добытое. Здесь ему полагались щётка, ведро, чужие распоряжения. Обещанная сумма отступила куда-то далеко, в сухую комнату, где посредник пододвигал по столу телефон и говорил негромко, будто предлагал не предательство, а место в очереди.

— Мельников!

Он догнал механика возле водоотводной канавы.

На противоположном берегу стояла женщина в болотных сапогах. Серый плащ был распахнут, под ним виднелась рабочая куртка. Она держала мерную рейку и смотрела вниз, где вода упиралась в забитый щебнем проход под дорогой.

Рядом с ней переминался мужчина в оранжевом жилете.

— Ковшом сюда не суйтесь, — сказала она. — Кабель вдоль бровки.

— А руками кто будет? Ты?

— Если больше некому, то я. Но сначала уберите людей с той стороны.

— Евгения Сергеевна, вы мне вчера другое говорили.

— Вчера здесь вода проходила.

Она произнесла это спокойно, без нажима. Мужчина отвернулся, сплюнул в траву.

Григорий Семёнович окликнул её. Женщина подняла голову и, прежде чем ответить, вытерла нос запястьем. На щеке осталась полоска глины.

— Семёныч, резервный насос собрали?

— К вечеру закончим.

— Шланг к нему приготовьте. Если здесь не откроем, нижнюю площадку начнёт заливать.

— Принёс тебе начальник людей?

— Двоих обещал.

— Значит, одного даст.

— Пусть хоть одного. Только не того, который вчера уснул у трубы.

Она взглянула на Алексея.

— Пополнение?

— Помощник.

Он хотел назваться, но женщина уже спускалась по откосу. Сначала проверила рейкой дно, потом поставила ногу на выступающий камень. Мужчина в жилете протянул ей руку; она отдала ему папку, которую до этого держала под мышкой.

Сапог с чмоканьем вошёл в ил.

— Да чтоб тебя, — сказала она почти ласково.

Алексей почему-то улыбнулся.

Она заметила.

— Вам смешно или вы знаете, где здесь твёрдо?

— Нет. Не знаю.

— Тогда сверху оставайтесь.

Она перехватила рейку и осторожно двинулась вдоль засора. Вода обтекала голени, оставляя на резине жирную кайму. Алексей ждал, что Григорий Семёнович предложит помощь, но тот только посмотрел на часы.

— Евгения, насос раньше пяти не обещаю.

— Поняла.

Они пошли назад. На повороте Алексей оглянулся. Женщина стояла к нему спиной и показывала рейкой на край дороги; мужчина в жилете наконец достал телефон.

— Инженер? — спросил он.

— Угу.

— Давно здесь?

— Второй месяц.

Григорий Семёнович остановился, пропуская самосвал. Прижал рукав к лицу, хотя пыль прибило утренним дождём.

— Толковая. Только всё сама проверяет. Ног не хватит.

В мастерской они занялись насосом. Механик давал короткие указания, иногда забирал инструмент и показывал молча. Алексей однажды потянулся за молотком, получил по руке двумя пальцами и больше не спешил. Оказалось, новая работа ещё оставляла ему место для знакомого: ровно посадить деталь, проверить зазор, почувствовать, как гайка идёт по чистой резьбе. Тут не требовалось объяснять, кем он был и зачем приехал.

К пяти насос собрали. После проверки погрузили в кузов небольшого грузовика вместе со шлангами. За рулём сидел тот самый человек в оранжевом жилете. Он помог затянуть ремень и уехал, не сказав спасибо.

Григорий Семёнович посмотрел вслед.

— До завтра. Руки вымой как следует. В столовой за такие выставляют.

В душе горячая вода кончилась, когда Алексей только намылил голову. Пришлось смыться холодной. На полу плавал комок волос; к деревянной решётке прилип чей-то размокший пластырь. Он долго тёр ладони, но складки кожи остались чёрными.

В комнате уже проснулся сосед с больной пяткой. Сидел на кровати и резал хлеб складным ножом.

— Ну что, седьмой?

— Алексей.

— Вадим. Жрать будешь?

На газете лежали сало, луковица и варёное яйцо с помятым боком. Алексей сел, принял кусок хлеба. От лука зашипало губы.

— В столовую не пошёл? — спросил Вадим.

— Не дошёл.

— Первые дни так.

Он сказал это без насмешки и подвинул сало поближе.

Позже Алексей вышел на крыльцо позвонить матери. Связь появлялась только у перил, если держать телефон возле правого уха. Внизу кто-то полоскал сапоги под краном.

— Устроился? — спросила она.

— Да. Всё нормально.

— Комната хорошая?

— Жить можно.

Мать помолчала. Он слышал, как у неё на кухне стучит крышка кастрюли.

— Деньги сразу не присылай. Оставь себе.

— Посмотрим, мам.

Разговор оборвался. Алексей ещё немного постоял с телефоном в руке, потом открыл переписку с человеком, который отправил его сюда.

Написал: «На месте. Работаю».

Ответ пришёл почти сразу: «Не торопись. Осматривайся».

Он убрал телефон.

Через двор шла Евгения. Теперь без плаща, с папкой под мышкой; на вымытых сапогах сохли светлые разводы. У крыльца она остановилась и спросила, здесь ли живёт помощник главного механика.

— Я, — сказал Алексей.

— Передайте ему утром: насос пока не понадобился. Водопропуск открыли. Но пусть не убирает далеко.

— Передам.

Она кивнула и пошла дальше.

Он успел заметить, что ступала она осторожно, чуть выворачивая правую ногу. Наверное, натёрла. Спросить было неловко.

В комнате Вадим уже храпел. Алексей лёг поверх одеяла, собираясь через минуту встать и разобрать сумку. Подушка оказалась низкой, и он подложил под неё свёрнутую куртку.

За окном продолжала работать артель. Металл ударял о металл, по лестнице тяжело поднимались люди. Перед самым сном ему вспомнилось, как Евгения отдала протянутой руке не ладонь, а папку. Он ещё раз увидел это короткое движение — и уснул, не выключив свет.

Глава 3. Хозяйка в глине

К обеду под правой опорой насоса снова появилась вода.

Она выступала из глины маленькими круглыми глазками, собиралась в мутную лужицу и уходила под бетонную плиту. Алексей присел, положил ладонь на край основания. Толчки шли неровные: два коротких, потом один длинный, с мелкой дрожью. Будто внизу кто-то пытался повернуть застрявший ключ.

Утром здесь было сухо. Или почти сухо: в шесть ещё нельзя было толком разглядеть землю под трубой.

— Не лапай, — сказал механик. — И без тебя знаю.

Григорий Семёнович стоял рядом с раскрытым ящиком. На крышке лежали ключи, обломок ножовочного полотна и хлебная корка, почерневшая от масла. Ел он прямо здесь, отрывая хлеб зубами, потому что руки отмывались только к воскресенью.

Алексей поднялся.

— Основание пошло.

— Вижу.

— Сейчас трубу рванёт.

— Не сейчас. Когда — не скажу.

В этом и было самое скверное. Насос подавал воду на промывочный прибор; без него вставала вся линия, а потому его слушали, щупали, подпирали, ругали, но не останавливали. Неделию назад из-под шайбы заднего крепления вылезла ржавая полоска. Потом раскрылся старый сварной шов на отводе. Вода была тонкой струйкой, которую сперва приняли за течь из соединения. Поставили временный хомут. Он продержался двое суток.

Теперь площадку подмывало снизу.

За ограждением лязгнул погрузчик. Над лентой висел мокрый песок; крупные камни подпрыгивали и катились к промывочному барабану. Оттуда тянуло запахом речного ила, железа и раздавленных корней. Весь участок двигался, ревел, вздрагивал, и лишь лес над разрезом стоял неподвижно, словно происходящее внизу его давно не касалось.

— Я к Сергею Викторовичу, — сказал Алексей.

Механик вытер пальцы о штанину.

— Был я.

— Когда?

— Перед тобой.

Он захлопнул ящик, но замки защёлкивать не стал.

Начальник участка нашёлся у лестницы на верхнюю площадку. На нём была новая оранжевая куртка, слишком чистая для середины смены. Каску он держал за ремешок, похлопывая ею по бедру, и смотрел на подъездную дорогу.

— Сергей Викторович, насос надо глушить.

— Ильич тебя прислал?

— Нет. Под плитой уже пустота.

Начальник повернулся не сразу.

— Ты сколько здесь работаешь?

Алексей назвал срок.

— А я двенадцать лет. Эта плита тебя переживёт.

— Плита — может быть.

Каска перестала хлопать.

— Ты остроумие дома оставляй. Что требуется, механику сказано: до конца смены держим, вечером разбираем. Людей от трубы убрали?

— Там проход к задвижке.

— Значит, нечего туда ходить.

На дороге показалась тёмная машина. Сергей Викторович поспешно надел каску, придавил её ладонями и пошёл навстречу, уже забыв об Алексее. Или старательно делая вид.

Автомобиль остановился у вагончика сменного мастера. Водитель вышел первым, посмотрел под ноги и остался возле дверцы.

Женщина выбралась с другой стороны сама.

Алексей узнал её по фотографии в управлении, хотя на снимке она выглядела старше. Там были тёмный костюм, гладкая причёска и неподвижное лицо человека, которому велели не улыбаться. Здесь — короткая непромокаемая куртка, резиновые сапоги, волосы, перехваченные на затылке. Возраст Александры Петровны на участке знали все: тридцать шесть. Об этом говорили так, будто молодость хозяйки была ещё одной особенностью месторождения, наряду с глубиной торфов и содержанием золота в песках.

Так вот она какая, подумал Алексей: хозяйка золотой горы. Не над картой в тёплом кабинете — в резиновых сапогах, по щиколотку в глине, среди грохота, воды и мокрого железа.

Сергей Викторович что-то сказал, показывая в сторону вагончика. Она не пошла туда. Взяла у него запасную каску и направилась к прибору.

Возле насоса глина засасывала сапоги почти до щиколоток. Александра остановилась, осторожно высвободила ногу и посмотрела на грязь, оставшуюся на голенище. Водитель шагнул было следом, но она коротко качнула головой.

— Почему воды меньше? — спросила она.

Здесь приходилось говорить громко, однако хозяйка не кричала. Сергей Викторович приблизился к ней почти вплотную.

— По забору небольшая просадка. Уровень гуляет. Регулируем.

— Вчера тоже гулял?

— Со вчерашнего вечера. Механическая служба занимается.

Григорий Семёнович стоял по другую сторону ограждения и смотрел на насос. Лицо у него стало тяжёлым, нездешним: так смотрят через окно больничной палаты, когда посетителю уже пора уходить, а сказать нечего.

Алексей мог промолчать.

От него требовалось совсем другое: прижиться, стать полезным, не обращать на себя лишнего внимания. Он хорошо помнил, как это произнесли за столом придорожного кафе. Человек напротив размешивал сахар в остывшем чае и объяснял, что торопливые люди долго не работают. Тогда Алексей кивал. Это казалось разумным.

Сейчас под плитой булькнула вода.

— Не со вчерашнего, — сказал он.

Начальник участка обернулся.

Александра тоже посмотрела на него, но без удивления, как на человека, который должен был заговорить раньше.

— Что именно?

— Неисправность неделю назад обнаружили. Шов на напорном отводе расходится. Крепление разбито, основание подмывает. Мы поставили хомут, только он не держит.

— Алексей, — произнёс Сергей Викторович.

Не окликнул. Предупредил.

Хозяйка посмотрела туда, куда показывал помощник механика.

— Опасно?

— Да. Труба тяжёлая, вода под давлением. Если опора уйдёт, одним хомутом не удержишь.

— Он недавно устроился, — сказал начальник. — Ещё не во всё вник. У нас согласовано окно на ремонт.

— С кем согласовано?

— Я механику дал распоряжение подготовиться.

Александра переступила через лежавший в грязи рукав.

— Остановите.

Сергей Викторович поднял ладонь:

— Александра Петровна, у нас сейчас пески в подаче. Просто так рубить нельзя, забьём прибор.

— Я сказала остановить. Вы порядок знаете.

Несколько секунд он стоял неподвижно. Потом вытащил из кармана переносную радиостанцию и вызвал сменного мастера.

Сначала перестали грохотать камни на ленте. Барабан ещё вращался, вода смывала остатки песка, и в этой постепенно редевшей громкости вдруг стал слышен сам насос: хриплый металлический перестук, прежде терявшийся за общим шумом. Григорий Семёнович прошёл к посту управления. Вскоре двигатель замолчал.

Тишина оказалась не полной. С высоты капало, где-то скрежетнула цепь, по желобу с шорохом сползла последняя порция гальки. За деревьями работал другой участок.

Хозяйка дождалась, пока механик вернётся.

— Покажите.

Григорий Семёнович проверил по манометру, что давление снято, и провёл её к отводу. Алексей остался у ограждения.

Без тряски неисправность выглядела даже хуже. Видно было, насколько перекосилась опора; под одним краем плиты темнела вымытая полость. Вдоль сварного шва выступил широкий мокрый след.

Александра присела. Не заботясь о куртке, упёрлась локтем в колено.

— Давно так?

— В таком виде — с утра, — ответил механик. — Течь раньше пошла.

— Докладывали?

— Писал заявку.

— Где?

— В журнале дефектов. Копия у начальника.

Сергей Викторович снял перчатку, провёл пальцем под воротником.

— Мы собирались менять отвод. Заготовку привезли только позавчера. Надо вырезать, подогнать, сварить. Одним поворотом выключателя такие вопросы не решают.

Он говорил уже увереннее: работа возвращала ему язык, привычные слова выстраивались в защиту.

— А основание? — спросила хозяйка.

— С основанием разберёмся.

Она выпрямилась.

— Принесите журнал.

Начальник не двинулся.

За ним пошёл Григорий Семёнович.

Оставшись втроём, они некоторое время слушали, как с трубы падают капли. Алексей ощущал на лице мелкую грязную морось, успевшую высохнуть коркой. Хотелось провести рукавом по щеке, но теперь любое движение казалось лишним.

— Почему раньше мне не сообщили? — спросила Александра.

Он не сразу понял, что обращаются к нему.

— Я помощник механика.

— Только что это вам не помешало.

— Механик доложил начальнику участка. Нам сказали, что остановку запретили сверху. Хозяйка перевела взгляд на Сергея Викторовича.

Тот выдохнул через нос.

— План никто не отменял. На прошлой неделе за простой с меня же спрашивали. Теперь получается, я виноват, что стараюсь добычу держать?

— Кто запретил?

— Прямого запрета не было. Но вы сами знаете обстановку.

— Моей фамилией прикрывались?

— Зачем так говорить?

Она ничего не ответила.

Из вагончика вышел механик. Под мышкой он нёс толстую тетрадь в чёрной обложке; уголки были обиты металлическими накладками, одна болталась на единственном усике. Григорий Семёнович раскрыл нужный разворот и подал хозяйке.

Алексей знал эту запись. Сам держал фонарь, когда неделю назад искали трещину. Потом они сидели у электрической плитки, и старик долго выводил слова, нажимая на ручку так сильно, что продавил следующий лист.

Александра прочла страницу, перевернула её, вернулась назад.

— Ваша подпись? — спросила она начальника.

— Моя.

— Здесь написано: остановка до устранения.

— Это мнение механика.

— А здесь, вашей рукой: доработать смену. Неделю назад.

Сергей Викторович потянулся к журналу, но она не отдала.

— Там дальше есть. Мы временные меры приняли.

— Вижу.

К ним подошёл сменный мастер. Остановился поодаль, сунув руки под мышки. За его спиной возле неподвижной ленты собрались двое рабочих. Никто не разговаривал.

— Сколько на ремонт? — спросила Александра у механика.

— До вскрытия основания точно не скажу. Отвод за смену поменяем. С плитой дольше.

— Сделайте нормально.

— Люди нужны. И подъёмник.

— Дайте список.

Она закрыла тетрадь и протянула мастеру.

— Отнесите в вагончик. Пока никому не выдавайте.

Начальник дёрнул плечом.

— Это производственный документ, Александра Петровна. Он у нас в работе.

— Значит, далеко не уносите.

Потом она впервые подошла к Алексею близко. На краю её каски висела прозрачная капля. От куртки пахло дождём, а не духами, которых он почему-то ожидал.

— Как фамилия?

Он назвал.

— В насосах разбираетесь?

— Немного.

— Сейчас вы говорили иначе.

— Сейчас надо было остановить.

Она задержала на нём взгляд. Алексей не отвёл глаз, хотя очень хотелось посмотреть куда-нибудь в сторону: на её грязные сапоги, на трубу, на лес. Он уже понимал, какую глупость сделал. Не техническую — с насосом всё было ясно. Другую. Теперь его запомнили.

— Работайте, — сказала хозяйка.

Она пошла к машине, выбирая места потвёрже. Сергей Викторович двинулся следом, начал что-то объяснять ей на ходу. Александра слушала, не поворачивая головы.

Когда автомобиль скрылся за штабелем труб, начальник вернулся.

— Ну что, спасатели, — сказал он. — Довольны?

Григорий Семёнович открыл ящик.

— Дай двоих с подачи. Надо отвод стропить.

— Тебе всё дай.

— Можно четверых.

Начальник посмотрел на него с ненавистью и ушёл к вагончику.

До темноты Алексей провозился в мокрой глине. Подводили стропы, очищали крепёж, откапывали край плиты. Когда сняли нагрузку с отвода, стало видно, что один анкерный болт сломан у самого основания. Его ржавый излом Алексей долго рассматривал, прежде чем бросить болт в ведро.

Григорий Семёнович заметил.

— Сувенир хотел?

— Думал, может, зря полез.

Механик подтянул воротник. Начинало холодать.

— Про насос — не зря.

— А остальное?

— Остальное утром узнаем.

В общежитии Алексей долго стоял под душем, поворачивая плечи под слабой горячей струёй. Песок скрипел между зубами. Даже после мытья казалось, что руки продолжают дрожать в лад насосу.

В комнате он достал телефон. Связь появилась у окна: две полоски, потом одна.

Можно было написать, что видел хозяйку. Что она сама приехала на участок и разговаривала с ним. Такая мелочь понравилась бы тем, кто его сюда отправил.

Он набрал несколько слов, стёр и положил телефон экраном вниз.

За стеной кто-то кашлял. В коридоре спорили из-за чайника. Обычная вечерняя жизнь продолжалась так уверенно, что случившееся у прибора понемногу стало казаться преувеличенным, почти выдуманным.

Утром у ворот управления стояла машина Сергея Викторовича.

Сам он вышел, когда Алексей шёл к мастерской. Без каски, в расстёгнутой куртке, с картонной коробкой в руках. Сверху лежала кружка с отколотой ручкой. Из-под неё торчала фотография в рамке.

Начальник поставил коробку на капот и открыл багажник.

Алексей замедлил шаг.

— Иди, — сказал Сергей Викторович, не глядя на него. — Добился.

Хотелось ответить, что он ничего такого не добивался. Но человек с коробкой не поверил бы, да и объяснять ему теперь было нечего.

У мастерской курил Григорий Семёнович.

— Уволили? — спросил Алексей.

— По собственному написал. Она вчера предложила, сегодня заявление забрала.

Механик придавил окурок каблуком и вынул из кармана сложенный лист: перечень материалов для ремонта.

— Тебя к десяти в управление.

Алексей посмотрел на него.

— Зачем?

— Не передали.

Григорий Семёнович развернул бумагу, разгладил её на дверном косяке.

— Умойся только. У тебя за ухом глина.

До десяти оставалось двадцать минут. Алексей пошёл к умывальнику у котельной, отвернул тугой кран и подставил ладонь под холодную воду. Тёр кожу за ухом, пока не стало больно.

Вчера он впервые сказал хозяйке правду. Теперь предстояло идти к ней с тем, ради чего его сюда прислали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.